

ГЕГЕЛЬ, ЛЮБОВЬ К МУДРОСТИ и «корпоративная этика в более широком смысле»

Андрей Лаврухин

Говорят, когда прошла весть о закрытии ЕГУ, на факультете философии БГУ в торжественной обстановке распили бутылку водки. Не знаю, правда это или нет, но у этого мифа есть все шансы на *правдоподобие*. Так уж повелось, что в философском сообществе Беларуси главными событиями являются не публичные пикирования на научных конференциях, не профессиональные дискуссии и даже не публикации, но перипетии частной жизни. А потому даже гибель институции рассматривается как личное поражение и, соответственно, личная победа. Показательно в этом смысле полное отсутствие публичных выступлений со стороны т.с. наших братьев по цеху из государственных и «негосударственных» вузов.

Пожалуй, единственным публичным разъяснением тайного смысла, скрывающегося за явным молчанием наших коллег, стало интервью г-жи Румянцевой Т. Г.¹, данное по другому поводу, но т.с. по сходной проблематике. Речь шла о поступке А. Козулина и его соратников², который был квалифицирован г-жой Румянцевой как случай «нарушения корпоративной этики в более широком смысле этого слова». Это выражение заинтересовало меня в двух отношениях: во-первых, в связи с тем, что таковая – т.е. корпоративная этика академического сообщества БГУ – вообще есть; а во-вторых, мне захотелось узнать, какой же позитивный смысл (и действие) она утверждает, коль скоро вышеназванный поступок – ее нарушение.

Ключевой позитивный принцип «корпоративной этики» флагманского вуза страны, которого, по словам г-жи Румянцевой, «мы³ добивались с первых дней перестройки», – «быть вне политики», «готовить профессионалов» и «не становиться оружием власти или оппозиции». На первый взгляд, этот тезис весьма привлекателен и вполне обоснован. Более того, прочитай это определение, скажем, Джон Сёрл из Университета Калифорнии (Беркли), он искренне позавидовал бы коллегам из флагманского БГУ, посетовав, что вот у них в университете Беркли гуманитарное образование слишком зациклено на «политике позитивного действия», что весьма негативно сказывается на «подготовке профессионалов».⁴ Но даже изощренный аналитический ум Сёрла, наверное, не смог бы после-

довать за тем пируэтом мысли, который затем совершает автор: университет, пишет г-жа Румянцева, — это структура «вне политики» и, одновременно, «детище президента». ⁵ Мой ум метался в поисках разных форм логического оправдания этих тезисов: «вне политики, потому что детище президента», «вне политики на правах детища президента»... Однако легче от этого не становилось: я опять вынужден был ломать голову над вопросом о том, то ли президент, беря под контроль свое детище, автоматически переключился в спящий режим «вне политики», то ли само это детище освобождено от политики на правах любимого, то ли, наконец, хоть БГУ и детище, но ответственности за своего отца оно не несет, поскольку с детей нельзя спрашивать за ошибки родителей.

В этом смысле, позиция самого президента мне показалась куда более последовательной и в этическом, и в логическом отношении: он прямо сказал, что государственный ВУЗ содержится за деньги государства, а потому государство вправе требовать и от преподавателей, и от студентов отработки вложенных в них денег. Хотя, может быть, г-жа Румянцева предполагает, что политическое воздержание «университетского профессора», боящегося как огня только одного — стать «оружием власти», — это и есть форма такой отработки? Но тогда возникает вопрос, *как* таким политически воздержанным и боязливым преподавателям вообще можно доверить курс по идеологии или по Великой Отечественной войне советского народа? Или, быть может, говоря о переосмыслении Великой Отечественной войны советского народа «в контексте современных реалий», подразумевается исторический анализ, основанный не только на официальной версии, но и на альтернативных интерпретациях подвига советского народа (например, на интерпретациях Суворова)? Если это так, то придется признать, что детище не просто не отвечает за поступки своего родителя, но бесстыдно обманывает и обворовывает его среди бела дня.

Но, конечно же, г-жа Румянцева не могла все это иметь в виду. Свидетельство тому — ее философские и историко-культурные пристрастия: отвечая на прямой вопрос Родиона Раскольникова ⁶, не являлись ли университеты искони центрами либерализма, она выразила сомнение, указав на другие образцы образовательных практик и идеалы ученой премудрости, — Берлинский университет времен Прусской монархии и монументальный профиль «первого официального философа прусского государства» Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. ⁷ Такой ход мысли перевел размышление об истоках корпоративной этики образовательного флагмана Беларуси на принципиально иной — философский — уровень, который не лишенный остроумия журналист окрестил «мудростью жизни». Как и все служители любви к мудрости, я не смог удержаться и решил обратиться к тем самым «политическим взглядам» Гегеля, не имея которых преподаватель флагманского вуза Беларуси не может, а «выплескивать на студентов, приходя в аудиторию, не должен».

Но для начала — небольшая историческая справка. Как известно, Гегель лишь в последние годы стал прусским патриотом и «последова-

тельным выразителем официозной линии государства».⁸ Более того, «... в юности он презирал Пруссию и восхищался Наполеоном до такой степени, что радовался французской победе при Йене».⁹ И только после того, как Гегель стал абсолютным профессором Берлинского университета, его симпатии поостыли и приобрели иной облик — облик патриотизма, прославляющего генеральную линию Прусской монархии. Есть, правда, еще одна пикантная подробность: Гегель, прославляя Германию, тем не менее считал страной будущего не что иное, как Америку. Правда, не потому, что ему были близки господствующие там демократические ценности и идеалы открытого общества (об этом в ту пору не могло быть и речи), а потому, что в Америке того времени все еще не было настоящего государства, но царствовали распри и войны. А для Гегеля все существенное в политической жизни принимает форму войны. В этом смысле философия государства и государственности, которую Гегель развивает в «Философии истории» и «Философии права», и идея абсолютного государства, воплощенного в Прусской монархии, которой он вдохновенно служил, неизбежно предполагают *моральное оправдание идеи войны*. В его понимании цель государства — это не только и не столько сохранение жизни и собственности граждан, сколько инструмент, так сказать, поддержания «боевого духа», или, говоря сегодняшним политическим слогом Беларуси, «напряжения в 360 вольт»: идея возможной войны ценна в том отношении, что она мобилизует общество, заставляет его граждан задуматься о том, что выходит за пределы их частных сует и забот, и всерьез воспринять свою высокую миссию воплощения абсолютной идеи и «самосовершенствования». Гегель пишет: «Война имеет величайшее значение, потому что благодаря ей *моральное состояние народов пребывает в безразличии по отношению к устойчивости конечных определений*».¹⁰ То есть высочайшее нравственное значение войны состоит в том, что она парализует мораль и делает людей безразличными к очевидным фактам нарушения «устойчивых определений» морали (т. е. устоявшихся представлений о совести, порядочности, чести и достоинстве человека и др.), но, одновременно, делает крайне заинтересованными в делах идейных, миссионерских и абсолютных. Не правда ли, знакомые мотивы жертвования «устойчивым определением» морали и преступлениями текущего дня ради далекой, заветной цели процветания? В этом смысле Гегель действительно современен. Он тоже считал, что предложенная Кантом Лига мира (союз мировых государств) ошибочна, поскольку залогом крепкого содружества государств может стать лишь внешний враг, а контраста морали и политики не существует, поскольку государства не подчинены обыкновенным моральным законам. История и историческая смена типов государств представляется Гегелем как поступательное развитие от низшего совершенства к высшему, которое имеет три стадии: восточная, греко-римская и германская. Гегель описывает эти три фазы следующим образом: «История мира есть учение неконтролируемой естественной воли, находящейся в покорности всеобщему принципу и дарующей субъективную свободу. Восток знал и по настоящее время знает, что только *один* свободен; греческий и рим-

кий мир знал, что *некоторые* свободны; германский мир знает, что свободны *все*». ¹¹ Однако кажущиеся здесь «ростки демократии» весьма обманчивы. В понимании Гегеля, и демократия, и аристократия относятся к стадии развития духа, где свободны лишь некоторые, а вот к той стадии, где свободны все, относится монархия. Ясно, что суть дела скрывается за специфически гегелевским пониманием слова «свобода». По Гегелю, не существует свободы без закона. Что ж, скажете вы, в этом плохого? Так-то оно так, да вот Гегель идет намного дальше, полагая, что там, где есть закон, есть и свобода. А это уже значит, что свобода есть не что иное, как *право подчиняться закону*. Разумеется, безотносительно к содержательному наполнению самого этого закона: это может быть и закон откровенно тоталитарного, тиранического государства. Так понятая свобода, опирающаяся на закон, штука весьма хитрая, тонкая и, главное, удобная в плане моральной ответственности: можно быть «первым официальным философом» тоталитарного государства, совершающего чудовищные преступления перед человечеством, и не испытывать при этом никаких угрызений совести, поскольку «закон есть закон» и ему нужно подчиняться. Как замечает Рассел, так понятая свобода «не означает, что вы сможете не допустить концентрационных лагерей. Она не подразумевает демократию или свободную прессу. Свобода печати, говорит он, не заключается в том, чтобы писать все, что угодно. Этот взгляд груб и поверхностен. Например, нельзя позволять прессе представлять правительство или полицию в качестве презираемых. Все эти либеральные лозунги Гегель отвергает с презрением. Когда дух дает самому себе законы, он делает это свободно. Нашему земному взгляду может показаться, что дух, который дает законы, воплощен в монархе, а дух, которому дают законы, воплощен в подданных. Но с точки зрения абсолюта различие между монархом и подданными, подобно всем другим различиям, иллюзорно, и когда монарх сажает в тюрьму либерально мыслящего подданного, то это не что иное, как свободное самоопределение духа» ¹². Если принять эту логику, то тогда становится понятной и вышеозначенная загадка аполитичного детища-флагмана, и высокое предназначение университета как оазиса, и тайный смысл самой «корпоративной этики в более широком смысле»: это из перспективы нашего земного взгляда кажется, что университет как детище президента по определению не может быть «вне политики», в то время как с точки зрения абсолюта — это оазис, в который «нужно поместить юношу или девушку, пока они формируются» ¹³; и то, что их именно «помещают», а не они сами выбирают, тоже лишь кажущееся следствие искажающей земной перспективы, поскольку различие между «помещающими» и «помещаемыми» иллюзорно; и потому, когда всем казалось, будто уже помещенных в оазис юношей и девушек под угрозой отчисления стогнали на досрочное голосование по вопросам референдума, а нам, выброшенным на улицу преподавателям и студентам ЕГУ в августе 2004 г. очень сильно казалось, что все это вопиющая несправедливость, бесстыдство и преступление властей, то на самом-то деле это было «не что иное, как свободное самоопределение духа».

Но мы несколько отвлеклись от Гегеля. А между тем Гегель считал, что Прусская монархия является окончательным воплощением абсолютной идеи, вслед за которым дальнейшая эволюция социума не представляется возможной. Поэтому когда г-жа Румянцева ссылается на идеалы Прусской монархии и светлый облик Гегеля, то это наводит на некоторые подозрения: уж не хочет ли автор тем самым сказать, что Гегель ошибся в своих расчетах и на самом-то деле абсолютная идея воплощается вовсе не в Германии начала XIX в., а у нас, в Беларуси, в начале XXI в.? По меньшей мере, тогда все встало бы на свои места: университет потому и является оазисом, в который помещены неоформившиеся юноши и девушки, что сам этот университет, в свою очередь, помещен в «хрупкий хрустальный сосуд», в который, опять же, помещен весь белорусский народ, словно «Феникс, возрождающийся из пепла» к жизни вечной, «парадку» и *Абсолютному Духу Стабильности*. Отсюда и моральные принципы «корпоративной этики в более широком смысле»: те, кто в меру своих сил способствует осуществлению высокой миссии «охранения государственных идей», достоин всяческих похвал и даже может «заниматься своим делом», «открывать рот», «иметь политические взгляды», «ни разу не чувствовать на себе какого-то давления», «не быть придушенным» и «не ходить строем»¹⁴, а вот те, кто пишет «все, что угодно», «позволяет себе критиковать правительство или полицию» и ставит под сомнение высокую степень процветания будущей Беларуси, соответственно, наоборот: должен «закрывать рот», «быть придушенным» и «ходить строем»... Но как бы то ни было, ясно одно: либо перед нами заявка на новую, фундаментально-онтологическую версию обоснования передового опыта в сфере гуманитарного образования на отдельно взятом флагмане, в отдельно взятой стране, либо г-жа Румянцева пала жертвой «хитрости мирового разума», сыгравшего свою злую шутку и в очередной раз нагло использовавшего ее индивидуальный интерес и философскую страсть для достижения своих целей...

Примечания

¹ *Безумство храбрых или мудрость жизни* // *Белорусская газета* от 14 марта 2005 г. С. 4–5.

² Напомним о сути инцидента. «Ученый совет БГУ осудил «политическую активность» бывшего ректора университета Александра Козулина. Об этом говорится в обращении совета «к студентам, преподавателям и сотрудникам БГУ», распространенном 25 февраля т.г. Поводом для выступления ученого совета послужило «Обращение к белорусскому народу», опубликованное 19 февраля в *Народной воле*. Его авторы объявили о создании в Беларуси нового гражданского движения в поддержку идеи социально-экономического и политического реформирования. Координатором этой инициативы является бывший ректор БГУ Александр Козулин — один из претендентов на роль единого кандидата в президенты от демократических сил. Ученый совет БГУ «решительно осуждает попытки втянуть имя Белорусского государственного университета в политические игры и интриги». «Мы также категорически против попыток превращения образовательного учреждения в «филиал» любого политического движения или общественной организации, ставящих своей фактической целью дискредитацию достижений белорусского общества», —

говорится в обращении. Ученый совет заявляет о своей «поддержке политики государства, направленной на защиту всех слоев населения, развитие национальной культуры, образования и науки, укрепление суверенитета Беларуси». «Мы благодарны за ту весомую поддержку, которую оказывает президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и правительство страны БГУ в развитии материально-технической базы и социальной сферы вуза, в улучшении благосостояния студенчества и профессорско-преподавательского состава университета». «Мы уверены, — говорится в обращении, — что тридцатитысячный коллектив сотрудников и студентов БГУ будет и впредь активно участвовать в преобразованиях, осуществляемых в университете и стране, творческим трудом способствуя дальнейшему развитию родного вуза на благо сильной и процветающей Беларуси». Как сообщила пресс-служба БГУ, этот документ был принят 24 февраля «подавляющим большинством» членов ученого совета. (www.charter97.org «Как в 37-м...» от 25.02.2005).

³ Интересно, из каких конкретных индивидуумов складывалось это добивающееся «мы»: уж не из тех ли, что сформировали «подавляющее большинство» ученого совета 24 февраля 2005 года?

⁴ См.: Сёрл Дж. *Политика и гуманитарное образование // Отечественные записки*. М., 2002. № 1. С. 76–91.

⁵ *Безумство храбрых или мудрость жизни // Белорусская газета* от 14 марта 2005 г. С. 5.

⁶ Не того, что убил бедную старушку за жалкие гроши и потом каялся до последних дней своей жизни, а того, который беседовал с Т. Г. Румянцевой.

⁷ «К сожалению ли, к счастью ли, но университеты в разные времена были выразителями как либеральных, так и самых консервативных, охранительных государственных идей. Вспомним Гегеля, пожалуй, самого выдающегося философа всех времен и народов», — пишет автор. «Берлинский университет при нем был последовательным выразителем официозной линии. Да, он проводил политику государства. Но сколь достойными и высокими были цели у этого государства, которое после столь разрушительных войн, фактически уничтоживших Германию, чисто интеллектуальными, нравственными средствами пыталось восполнить понесенный урон! И Гегель, возглавив университет и став первым официальным философом прусского государства, считал эту миссию достойной». (*Безумство храбрых или мудрость жизни*. С. 5.)

⁸ Там же.

⁹ Рассел Б. *История западной философии*. М., 1959. С. 747.

¹⁰ Цит. по: Рассел Б. *История западной философии*. С. 755.

¹¹ Там же, с. 753.

¹² Там же, с. 758.

¹³ «Поэтому пока юноша или девушка формируется, их нужно поместить в «оазис», в котором его или ее не будут идейно рвать на части. Функцию этого оазиса и должен исполнять университет». (*Безумство храбрых или мудрость жизни*. С. 5.)

¹⁴ Там же, с. 5.